

НАЧАЛО ЗНАКОМСТВА

Гастроли Челябинского государственного драмтеатра в г. Молотове

Минувшее лето для молотовских зрителей было не редкостью театральным. В гостях у нас побывали Московский Художественный Академический театр, Драматический театр Московского ЦДКЖ, Украинский Хмельницкий музыкально-драматический театр, Львовский городской театр и Челябинский театр драмы.

Серьезные и многочисленные «соперники» предшествовали выступлению челябинских артистов на молотовской сцене. Но и последний гастрольный коллектив местные зрители приняли тепло—на лучших спектаклях челябинцев всегда было много публики, искренне благодарной артистам.

Чем же привлекает Челябинский театр? Прежде всего, молотовчане соскучились по большим спектаклям из русской и зарубежной классической драматургии. Они с удовлетворением отметили в репертуаре челябинцев такие серьезные постановки, как комедия Грибоедова «Горе от ума», трагедия Шекспира «Отелло» и Шаллера «Коварство и любовь».

Затем, посмотрев один-два спектакля, зрители убеждались, что в театре есть настоящие мастера сценического искусства и много способных, интересных артистов.

Наконец, особый, вполне понятный интерес вызван тем, что челябинцы—тоже уральцы, представители области, с которой трудящиеся Прикамья вот уже не первый год продолжают социалистическое соревнование...

В г. Молотове Челябинский театр впервые. Первые гастроли всегда становятся отчетливыми, превращаются в проверку на новом зрительстве художественного уровня всего коллектива. В обзорной статье мы не будем подробно анализировать спектакли и многочисленные интересные работы артистов, а поговорим об основных творческих устремлениях театра.

Мерилом оценки для любого советского театра является то, как глубоко он связан с современностью, как помогает зрителю решить существенные вопросы жизни, учит и воспитывает его. В недавнем прошлом Челябинский театр заслужил известность постановкой таких значительных спектаклей, посвященных большим этапам и темам в жизни нашей страны и ее людей, как

«Любовь Яровая», «Независимый 1919-й», «Нашист», «Великая сила», «Счастие», «Победитель». В его текущем репертуаре числятся «Голы странствий» и «Персональное дело».

В ряд с ними можно поставить и лирическую комедию В. Розова «В добрый час!», показанную молотовчанам. Но, к сожалению, только по этому спектаклю приходится судить, насколько серьезно и активно театр вторгается в жизнь. Остальные советские пьесы были подобраны для гастрольного репертуара неудачно.

То, что театр поставил и показал нам «Историю одной любви», говорит о его творческой нетребовательности, способности подступиться высоким вкусом. И в нынешнем (втором) варианте эта пьеса К. Симонова глубоко решает тему коммунистической морали и любви советских людей.

Непонятно необходимость показывать молотовчанам летящий водевил «В сиреневом саду». Отсутствие в репертуаре гастрелей таких серьезных новых пьес советских драматургов, как «Голы странствий» или «Персональное дело», руководители театра объясняют постановкой этих пьес на сцене Молотовского драмтеатра. Но ведь и водевил «В сиреневом саду» знаком местному зрителю отлично. Скорее все дело в нехитром расчете, что публика не легче победит на развлекательную вещь.

Непродуманно подошло руководство Челябинского театра к показу вездешней темы творчества коллектива, не познакомил нас и с «золотым фондом» своего репертуара. Наконец, на сцене театра, работающей в такой интересной области, можно было ожидать появления пьесы своего, местного драматурга.

Русская классика представлена на гастрольном олимпе, но действительно значительным произведением—комедией «Горе от ума». К чести театра—прочел он пьесу Грибоедова с острым чувством современности. Наиболее широко была показана западная драматургия. Кроме названных трагедий Шекспира и Шаллера, это—комедия Лопе де Вега и Скриба—«Девушка с кушачком» и «Стабы воды», «Мачеха» Бальзака.

Хочется, чтобы театр понял нас верно:

мы благодарим ему за обращение к западной классике, не собираемся умалять значения Шекспира, Шаллера или Лопе де Вега. Но все же, все эти произведения театры могли поставить в десять, и пятьдесят, в больше лет назад. Не чувствуется на зарубежном репертуаре театра печать времени. Отсутствуют в нем драматургия демократических стран и значительные пьесы прогрессивных буржуазных писателей.

Если судить по гастрелям, то репертуар Челябинского театра представляется скорее более широким, чем последовательным и определенным.

Большая часть показанных в г. Молотове спектаклей поставлена режиссером В. Люцке. Его творческой манере присуще стремление к яркости действия—остроты характеров и столкновений, выразительности режиссерского решения сцен.

Благодаря этой черте надолго запомнятся многие эпизоды из спектакля «Порт-Артур»—например, сцена в каюте на броненосце «Петропавловск». Она ясна по мысли, все средства режиссерского решения подчинены здесь одному—передать большую, подлинно государственную заботу о судьбах России и волю к действиям в характере адмирала Макарова (засл. арт. РСФСР В. Южанов).

Сатирически зло, внешне остро поставленные сцены с блестящим ньютоном—придворным гофмаршалом Кальбом (арт. П. Кулешов) в «Коварстве и любви».

Но в своем стремлении к яркости и яркости В. Люцке терпит порой чувство меры, приходит к чисто внешнему решению действия и рисунка образов. Бывает, что выразительность отдельных сцен и деталей сочетается в его спектаклях с серьезными просчетами в идейном замысле.

Так образ Фердинанда (нам удалось видеть в этой роли Е. Романовского) в «Коварстве и любви» стал во многом условной фигурой «героя-любownika». За обилием «стратегических» взглядов и жестов, криком, нарочитой картинностью поз пропала сердечность юноши, чувство его глубокой любви к Луизе. Кстати, на всем спектакле ощущается грусть традиционных штампов, вдуших от старых постановок этой распространенной трагедии Шаллера.

Своеобразным идейным подступом к воплощению темы советской действительности мог быть историко-патриотический спектакль «Порт-Артур». Для этого в нем необходимо подчеркнуть главное: нарастающее сознательное сопротивление масс, перспективу грядущих революционных боев 1905 года. Однако в спектакле соответствующие сцены лишены развития, хотя образы солдат и выписаны достаточно красочно.

Напомним эпизод, когда один из фактивных претерпевателей Порт-Артура генерал Фок решает арестовать поручика Борейко. Ошестивившись штучками, солдаты-батырей окружили генерала. Испуганный Фок отменяет приказание и поспешно ретируется. Услышав ироническое солдатское «спасибо», он обертывается по-шешному испуганным лицом. И сразу же—на сцене и в зале—возникает спад напряжения. Лихие солдаты отстояли своего любимого командира да припугнули злого генерала—так узко воспринимается эпизод. На сцене, как говорится, «инцидент исчерпан».

А смысл его куда значительнее в драматичности. Он должен был поднять солдат еще на одну ступень в борьбе, открыть в них до сих пор созревавшее качество: решимость повернуть оружие в другую сторону!

Не чувствуется свежего, современного режиссерского прочтения комедии «Девушка с кушачком». В спектакле ярко, остроумно решены многие сцены, но глубины характеров и остроты в образе нравов мало.

Режиссура другого постановщика—заслуженного деятеля искусства РСФСР Н. Медведова отличается целостностью и последовательностью замысла.

Особенно привлекает в этом отношении спектакль «В добрый час!». Seriously, с большой примотой и требовательностью обращается в нем театр к молодому зрителю: «Где твое место в жизни? Подумай, по дороге или кривой тропке ты идешь». Есть в спектакле и подлинный оптимизм—твердая, доказанная всем ходом действия уверенность в лучшем завтрашнем дне молодых героев пьесы.

Большая, в основном уже решенная работа Медведова—постановка «Отелло». Правда, в ней открываются один недостаток, который дает себя знать и в других его спектаклях. Это—известная сухость режиссерского почерка, мешающая эмоционально раскрыть на сцене всю полноту характера живого человека.

Очень убеждающей чертой Отелло стала в исполнении засл. арт. РСФСР Е. Агеева

простота, доверчивость, вдушие как от особенностей характера конкретного человека, так и от великой веры героя в честность Дездемоны, в честность людей вообще. Это главное в веро.

Но Отелло еще и талантливый военачальник, государственный деятель, одним словом—личность незаурядная. Эти качества в спектакле мало заметны. Знаменитый монолог—речь Отелло в сенате стала у артиста бесцветной, ровной. Между тем, она—настоящая исповедь, раскрывающая всю натуру героя. В ней и благородство честного, уверенного в своей правоте челябинца, и страстная пылкость безумно влюбленного, и сдерживаемый рассказ о суровой доле в жизни, в ней слышится и горечь Отелло, который знает, что для надменных венецианских сенаторов он всегда будет лишь немишкой в «серых африканцах»...

Недостаточно вырисовывается в спектакле и философская тема роли Яго (В. Петров), этого «честного» поддела.

Гастрольные спектакли убеждают, что режиссура Челябинского театра располагает квалифицированными творческими составом, с которым можно уверенно браться за постановку значительных произведений. Вкусом в чувством сцены отличаются декорации художников Д. Лидера и С. Пострижкова, а простой перечень удачных ролей артистов (исключая основное творческое ядро) занял бы большое место. Но важнее сейчас остановиться на некоторых общих особенностях работы с актерами в театре.

Отмечая в программах спектаклей большое число исполнителей-дублеров, проследив работы одних и тех же артистов в различных ролях, убеждаешься, что режиссер стремится воспитать творческую разносторонность артистов. Это большое достоинство в их работе.

Например, пьеса «В добрый час!». Есть в ней интересный персонаж—Анастасия Ефремова, мать двух молодых героев комедии. Много не думая, идя по трафарету, можно легко сделать из нее привычную спящую маску «мещанина». Благо соответственные черты в характере Анастасии Ефремовны надличествуют. Но режиссер Н. Медведов и артистка С. Прусская создали значительный характер. Зрители не просто увидели «спящую маму», но серьезно задумались над нескладной судьбой женщины, в сущности неплохой, женщины.

Успех артистки радует потому, что С. Прусская мы видели в роли совершенно иного плана. В комедии «Стабы воды» она создала достоверный, острый образ

придворной интриганки, властолюбивой графини Мальборо.

Но при всем этом еще далеко не каждый спектакль Челябинского театра обладает единым исполнительским ансамблем. Актерский коллектив выглядит сейчас сильным, но очень неровным, разносторонним по приемам игры. В одной постановке можно найти образы, решенные глубоко и сделанные поверхностью, в соответствии с привычными штампами.

Как контраст к вдумчивой работе многих исполнителей в том же спектакле («В добрый час!»)—явно «комическая» фигура Афандея (Ю. Брегер), упрощенная, саморазбачающая трактовка образа Валюхи у артиста Н. Палло и решенный во многом внешне образ Аркадия (П. Шустиков).

Одни и те же актеры, порадовавшие в одном спектакле вдумчивым проникновением в характер героя, оказываются беспомощными в другом.

Способный представитель молодого поколения в театре Ю. Болдырев запомнился созданием своеобразной, обаятельной фигуры Алексея («В добрый час!»). Но вот что представлял в его исполнении дон Диего («Девушка с кушачком») — не понять. Конечно, между характерами советского юноши из Сибиря и молодого испанского вояки XVIII века—дистанция громадного размера. И все же во втором случае артист мог и должен был сделать больше!

Или взять представителя основного творческого ядра—заслуженного артиста РСФСР Е. Прека. Его Вурм («Коварство и любовь») —убедительный образ. И как неожиданно, когда в роли капитана Сахарова («Порт-Артур») артист ограничивается неглубокой и преимущественно внешней обрисовкой характера своего героя.

Наконец, артист Е. Романовский, обладавший выразительными сценическими данными. Он тоже часто сбивается на представительство, однообразен из спектакля в спектакль.

У Челябинского театра есть нужда в более глубокой работе с артистами, необходимости того, чтобы искусство сценического переживания и перевоплощения в образ стало непреложным законом творчества.

Коллективу надо позелеть большей целеустремленности, дерзания в репертуаре и в самой постановке спектаклей. Только так он сможет прорываться к успеху, сказать свое слово в советском сценическом искусстве. Возможность и силы для этого у театра есть.

В. КЕЛЬНИК